

М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова

**Российские финансы под опекой III отделения.
Министры и фальшивомонетчики.**

*«Лучше подделывать
монету, чем истину»*

Это изречение, по преданию, было высечено на стене святилища Аполлона в Афинах. И, наверное, внимая мудрости древних, монеты подделывали с давних пор. В том числе и в России. Одним из органов, призванных это очевидное зло пресекать было III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Сегодня никому не надо объяснять, чем занималось данное учреждение. Однако стоит напомнить, что одной из основных функций высшей полиции, по крайней мере, в первые годы ее существования, был контроль за административным аппаратом, борьба с лихоимством, разьедавшим бюрократию Российской империи сверху донизу.

За действиями государственных чиновников разного ранга призвана была наблюдать 1-я экспедиция, дела о фальшивых ассигнациях и документах вела 2-я экспедиция этого ведомства. Материалы III отделения содержат как отзывы публики о министерствах и ведомствах, так и предложение мер, способных, по мнению чинов высшей полиции, помочь монарху придать «стройность и целесообразность» государственной системе. В поле зрения зоркого «ока Государева» неизменно попадала и такая важнейшая часть государственного аппарата как Министерство финансов.

Информация о Министерстве финансов и деятельности его главы составляла неременную часть ежегодных Всеподданнейших отчетов III отделения. Не имея возможности, рассмотреть каждый из них, остановимся

на наиболее ярком примере — Министерстве финансов под управлением Егора Францевича Канкрин, согласно отзыву III отделения, «настоящего хозяина своей части»¹.

Его карьерный взлет начался с должности армейского “снабжения”. Грозу 1812 года Канкрин встретил в звании генерал-интенданта действующей армии и отвечал за снабжение войск продовольствием. Благодаря его усилиям Отечественная война обошлась России значительно дешевле ассигнованной суммы. Умело проведя переговоры с союзниками о возмещении расходов по содержанию русских войск, он добился шестикратного сокращения выплаты.

Дарования Канкрин были оценены по достоинству. Генерал-майор в 1813 году, в 1815-м он уже генерал-лейтенант. В 1821 году Канкрин стал членом Государственного совета по Департаменту государственной экономии, а в 1823-м — сенатором и министром финансов.

Назначение это было встречено в свете с некоторым недоумением. Скряга и нелюдим, прямой и резкий, он успел нажить себе массу врагов. Однако в высших сферах к недоброжелателям министра не прислушивались. Он пробыл на своем посту почти до самой смерти и даже удостоился чести преподавать финансовую науку наследнику цесаревичу Александру Николаевичу.

III отделение неизменно сообщало императору одно: «Общее почти всех мнение согласуется в том, что никогда еще финансовая часть не была в России управляема столь хорошо, как ныне. Все отдают полную справедливость уму, познаниям и деятельности графа Канкрин»². «О распоряжениях и действиях Министерства финансов постоянно отзываются с похвалою; все части управления одного год от года улучшаются, что приписывают главнейше лицу самого министра финансов, которого единогласно признают человеком истинно государственным»³.

Между прочим, руководителей высшего надзора очень радовало, что министр финансов прислушивался к их рекомендациям. Сообщая ему

сведения «о разных злоупотреблениях и неправильностях, замеченных по управлениям оному министерству подведомственным», они всегда встречали со стороны министра «ревностное содействие к прекращению таковых»; «высшее наблюдение, постоянно доставляя ему, равно как и прочим министрам, сведения по предметам, до него относящимся, всякий раз имеет случай удостовериться, что никакой предмет не оставляется им без внимания и зависящего с его стороны распоряжения»⁴.

Подведомственные Министерству финансов отрасли российского хозяйства процветали. В 1832 году III отделение сообщало императору: «Обороты внешней торговли нашей в нынешнем году по общему сознанию купечества были выгодны. По Рижскому порту открылся значительный привоз контрабанды, но Министерством финансов приняты должные меры к пресечению сего зла. Относительно главнейших наших ярмарок получены были самые удовлетворительные сведения. Товаров было привезено много, и распродажа оных происходила успешно. Фабрики наши год от года улучшаются, и сбыт произведений оных даже и в чужие края ныне производится весьма успешно»⁵.

Были, однако, и такие мероприятия Министерства финансов, которые «порицались публикой» и подвергались критике со стороны высшего наблюдения. Особенно это касалось системы протекционизма, которая обеспечивалась чрезвычайно высокими, запретительными, пошлинами на иностранные товары. Бенкендорф писал, что система эта, «утвержденная ложно направленным патриотизмом, принесла много вреда России. Столь широко распространенная роскошь не могла быть удовлетворена местным производством. Богатые люди разорялись, приобретая все то, к чему привыкли с детства; остальные, чтобы не отстать, предавались взяточничеству и лихоимству, что способствовало развитию контрабанды, конфискаций, казнокрадства. В России начинали производить кое-что хорошее, но в очень ограниченном количестве ... и, ввиду отсутствия

конкуренции, плохие товары местного производства продаются дороже, чем привозимые из-за границы хорошие»⁶.

Не все соглашались с политикой Канкрина, но признание его профессиональных качеств было всеобщим. Он не являлся случайным человеком в министерском кресле. Канкрин — профессионал, в среде российской бюрократии того времени — явление редкое, если не сказать, исключительное.

Канкрина боготворили подчиненные, с которыми он умел обращаться без всякой «официальщины». «Ни одно министерство, — утверждалось в одном из отчетов III отделения, — не имеет таких способных чиновников и в таком числе, как Министерство финансов, потому, что нигде не обходятся лучше с чиновниками и нигде так их не награждают»⁷. Он обладал ценнейшим для министра даром — умел подбирать способных сотрудников. «От того департаменты и кредитные установления Министерства финансов отличаются порядком делопроизводства и строгою отчетностью, а Казенные палаты, Горные правления и таможи благоустроеннее всех других губернских присутственных мест»⁸. В отличие от многих высших должностных лиц Российской империи Канкрин отличался простотой и доступностью. «Он принимает каждого, и своего и чужого чиновника, и прожектера, и купца, и помещика, дает добрый совет и, если видит общую пользу в деле или заслугу в человеке, то покровительствует всеми силами»⁹.

Единственный недостаток Канкрина, на который постоянно обращает внимание государя III отделение, это его непреклонное упрямство. «Предначертан за 20 лет пред сим план своего управления, он следует ему неуклонно и противится всякому нововведению, если оно не им предложено. Это пристрастие к началам, которые он однажды навсегда принял за основание своих действий, препятствует ему идти наравне с веком. Россия имела бы уже теперь в готовности 3 тысячи верст шоссейных путей, если бы граф Канкрин в 1839 году не отвергнул предложение варшавских и берлинских капиталистов, желавших принять на себя эту операцию. Нет

сомнения, что он помешал бы и железной дороге между столицами, если бы Государь не произнес: *”да будет!”*¹⁰.

Министр финансов действительно отверг предложение иностранных банкиров Магнуса и Френкеля, которые «вызывались устроить в России на пространстве 7000 верст шоссе». Он упорно противился созданию в России сети железных дорог и системы банков, опасаясь нарушить традиционный хозяйственный уклад страны.

Но не стоит считать Канкрин консерватором или ретроградом, он провел массу преобразований, начиная с усовершенствования государственной отчетности и счетоводства и заканчивая денежной реформой 1839—1843 гг., восстановившей металлическое обращение в стране.

Теперь можно плавно перейти к проблеме фальшивомонетчества в Российской империи первой половины XIX в.

Сведения о производстве и сбыте фальшивых денег откладывались в различных учреждениях — местных конторах обер-полицмейстеров, канцеляриях губернаторов, МВД, министерстве финансов. Кроме того, наблюдение за всеми случаями изготовления и распространения фальшивых монет, ассигнаций и штемпелей было возложено на III отделение СЕИВк.

Всего за период существования III отделения (1826—1880) было заведено более 300 дел по изготовлению и сбыту фальшивых денег. Общая годовая статистика по всем направлениям деятельности высшего надзора нашла отражение во всеподданнейших отчетах. Рубрика «О фальшивых деньгах» стояла сразу после рубрики «Государственные преступления».

Анализ сведений годовых отчетов позволяет сделать некоторые заключения. Фальшивомонетчество в России было достаточно распространенным явлением. Подделывали как монеты, так и ассигнации, а особенно часто кредитные билеты. В 1865 г. были зафиксированы случаи подделки банковских свидетельств первого внутреннего займа. Переделывали акции 100-рублевого достоинства в 5000-рублевое.

Образованная в связи с этим следственная комиссия обнаружила, что предприятие было затеяно профессором Практической академии коммерческих наук Неофитовым при содействии доктора экономических наук Одаховского. Они наняли профессиональных художников, а распространением фальшивок занимались студенты этого учебного заведения¹¹.

Ассигнации 5-ти, 25-ти и 50-рублевого достоинства подделывали как путем печатания, так и путем переделывания из меньшей в большую. Наиболее неблагополучными губерниями в плане фальшивомонетчества были: Пермская, Томская, Ярославская, Тверская, Саратовская, и особенно село Гуслицы Богородского уезда Московской губернии. В 1868 г. фальшивые 50-рублевые билеты буквально заполнили Москву — торговцы перестали принимать деньги этого достоинства. Расследования в Богородском уезде не приносили желаемых результатов. Выявлялись только отдельные «подделыватели», но не единая группа по производству фальшивых денег. Расследованиям препятствовали раскольники, широко населявшие Богородский уезд. Были зафиксированы случаи нападения и даже убийств сыщиков¹².

Традиции гуслицких умельцев, самостоятельно изготавливавших инструментарий для производства фальшивых ассигнаций, сохранялись (жили) долго. В конце века о них вспоминал В.А. Гиляровский. «В смежных углах трех губерний: Московской, Владимирской, Рязанской», — пишет он, — находились Гуслицы, «славившиеся печатанием фальшивых денег, которые стали даже нарицательными: «гуслицкими» назывались в Москве все фальшивки. Оттуда вышло много граверов. Печатали у себя серии и много лет печатали купоны от серий в 2 руб. 16 коп., которыми в 80-х годах наводнили Москву. «Дай-ка купонной машинки, попечать надо, на базар еду» — обращались соседи друг к другу»¹³.

Нередки были случаи подделки ассигнаций, а чаще монеты, арестантами тюремных замков (Пермского, Саратовского, Енисейского и

даже Соловецкого монастыря) и ссыльными¹⁴. Зафиксированные случаи сбыта фальшивых денег, естественно, преобладали над зафиксированными случаями подделки ассигнаций и монет (например: 1867 г. — подделка 28 случаев, сбыт — 245; 1868 г. — подделка 22 случая, сбыт — 253 и т.п.).

Задержание фальшивомонетчиков осуществляли как чины общей полиции МВД, так и жандармы. В особых случаях создавались специальные комиссии, куда входили представители от МВД, III отделения и министерства финансов. Выявлением случаев изготовления фальшивых русских денег за границей и их ввоза на территорию России занимались специальные чиновники от министерства финансов, агенты III отделения, а также представители дипломатического ведомства.

В начале 60-х годов XIX в. фальшивомонетчество приобрело небывалый размах практически во всех губерниях России. III отделение констатировало, что распространение и подделка ассигнаций и кредитных билетов, а также ввоз фальшивых денег из-за границы «достигло такого количества, которое угрожает совершенным подрывом общественному доверию к правительственным бумагам не только за границу, но и внутри империи»¹⁵. В результате произведенных расследований, собранных агентурных сведений и допросов отдельных лиц, а также обнаруженной у арестованных переписки с находившимися за границей государственными преступниками, в том числе с В.И. Кельсиевым, III отделение в 1862 г. доложило императору о существовании «преступного общества, которое предполагало выпустить фальшивых денег на сумму 8 миллионов рублей с целью произвести в России политический переворот»¹⁶. 22 августа 1862 г. была создана Особая Следственная Комиссия под председательством чиновника МВД М.Н. Трунова, в которую вошли представители III отделения, министерства финансов и МВД.

Комиссия внимательно обследовала подробности дел о подделках и производстве фальшивых билетов по всем губерниям империи. К 1864 году она собрала аналитические справки и представила императору

всеподданнейший доклад о проделанной работе. Комиссия выяснила, что во многих случаях следственные дела ведутся небрежно, не собираются все необходимые улики, а вследствие этого многие причастные к делу лица осуждаются не как производители и изготовители фальшивок, а по статье «мошенничество», тогда как статья «фальшивомонетчество» предполагала более суровую меру наказания — лишение прав состояния и ссылку в Сибирь. Комиссия предлагала учредить при столичных окружных судах по одному временному судебному следователю для производства следствий по особо важным делам этой категории. Это предложение комиссии с высочайшего повеления было внесено в мае 1867 г. на рассмотрение Государственного совета.

В заключение следует отметить, что сведения отчетов III отделения нельзя рассматривать как общую статистику фальшивомонетчества в империи. Это учреждение, являясь наблюдательным органом, фиксировало лишь наиболее серьезные случаи и ставило об этом в известность императора, министров внутренних дел и финансов. Но при изучении вопроса о фальшивомонетчиках без обращения к документам III отделения не обойтись.

¹ Россия под надзором. Отчеты III отделения (1827—1869). М. 2006. С. 121.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же. С. 93—94.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Там же. С. 260.

⁸ Там же. С. 297.

⁹ Там же. С. 260.

¹⁰ Там же. С. 297.

¹¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 205—206.

¹² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 33. Л. 168—169.

¹³ В.А. Гиляровский. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М. 1999. С. 105—108.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 32. Л. 143—149.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 223. Д. 31. Л. 54.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 27. Л. 163 об.